
Сломанная улыбка
Тимофей Жилкин

Тимофей Жилкин

Сломанная улыбка

«Автор»
2026

Жилкин Т. П.

Сломанная улыбка / Т. П. Жилкин — «Автор», 2026

я стоял на коленях на мокром асфальте. Напротив меня — мой лучший друг. В его руке пистолет, а на лице — идеальная, приклеенная улыбка.— Улыбнись, Илья. Это твой последний день.Я не знаю, чем всё это закончится. Но я точно знаю, с чего всё началось. Это было в школе. Всем детям вкололи...Все, кроме меня. Я — единственный, кто помнит правду. У меня остался только дневник и канцелярский нож. Я не дам себе забыть, кто я такой.Психологический триллер о мире, где быть счастливым — обязательно. А помнить — смертельно опасно».Антиутопия,

© Жилкин Т. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Прививка от страха" 5
Глава 2 "Урок послушания" 7
Глава 3 «Запись» 9
Глава 4 "Новенькая" 12
Глава 5 "Хороший мальчик" 15
Гл 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Тимофей Жилкин
Сломанная улыбка

Глава 1 "Прививка от страха"

Две недели назад в спортзале пахло спиртом и чужим страхом. Нам сказали, что это просто прививка от гриппа. Просто укол.

Обычное дело, через которое проходят все. Огромный школьный зал превратили в импровизированный медпункт. Вдоль стены стояли столы, накрытые белой клеенкой. Свет от ламп отражался от натертого до блеска паркета, и от этого казалось, что все происходит в каком-то стерильном, чужом месте. Я стоял в очереди и слушал, как медсестры звенят ампулами.

— Не бойся, это не больно, — сказала медсестра, натягивая новые резиновые перчатки на руки и распаковывая шприц.

Я немного боялся уколов, но сейчас меня беспокоило не это. В тот момент я пытался понять, почему прививку от гриппа делают в шею? Это же бред. Прививки делают в плечо или в бедро. Но ни мой друг Дима, ни одноклассница Катя, ни даже физрук — никто не задавался этим вопросом. Они просто смотрели в свои телефоны или в пол. В зале было тихо, только гудели лампы под потолком. Я решил промолчать. Как все.

Медсестра обработала шею ваткой со спиртом. Кожу обожгло холодом. Игла вошла в шею. Что-то металлическое царапнуло кость.Крик стоял у меня в горле. Он гудел в ушах, стучал в висках, сливался с гулом ламп под потолком, с чужими голосами.

И вдруг я перестал видеть спортзал.

Через небольшое окошко на кухню пробирался лучик солнца. Мама стояла возле плиты, жаря мои любимые блинчики и напевая какую-то песенку. По телевизору шли юмористические передачи, а запах, стоявший на кухне, был невероятен — сладкий, теплый, с нотками подгоревшего масла.

— Уже проснулся? — прозвучал нежный голосок мамы. — Я тут блинчиков испекла. Твоих любимых, садись кушать.

Она поливала блины сгущенкой и клала их мне на тарелку, изредка поглядывая на телевизор. Я взял вилку, отрезал кусочек. Сгущенка потекла по краю, капнула на стол. Мама улыбнулась и вытерла ее салфеткой.

— Кстати, сынок. Сегодня вам должны сделать прививку от гриппа, бумаги я уже подписала.

Я моргнул. Спортзал вернулся. Медсестра вытащила иглу, прижимая ватку к шее. Но гул в голове только усилился. Всё смешивалось в один сплошной, оглушительный звук.

Опять вспышка. Шумные коридоры, как всегда бегают младшие классы. На всём этаже только мы с Димой стоим у подоконника, подальше от учительской.

— Илья, погнали погуляем, — Дима кивает в сторону лестницы.

— Так у нас ещё три урока.

— Да всё равно, — он достает из кармана две помятые бумажки. — Я уже написал две записки подчерком наших мам. Ну как, похоже?

Я вглядываюсь в кривые буквы. Он всегда так делал — подделывал подчерк, чтобы свалить с последних уроков. И это всегда работало.

— Ну пошли тогда.

Солнечная погода всегда была поводом прогулять пару занятий. Купленные в ларьке сладости приносили дополнительное удовольствие от прогулок. Вот бы так оставалось всегда.

Внутри всё начало сжиматься, будто грудную клетку сдавило обручем.

Снова вспышка. Я сижу за партой, уткнувшись в телефон. Надо мной нависает Анна Петровна.

— Илья, телефон убрал. Ещё раз такое повторится — я напишу докладную на имя директора.

Я прячу телефон в карман, а сам смотрю на Диму. Он сидит на задней парте и ржет, прикрывая рот рукой. Он всегда ржет, когда кто-то получает от училки.

Я хотел закричать, чтобы это вышло из меня, пробило мне грудь, и я больше не слышал бы этого.

И вдруг. Тишина.

Не просто стало тихо. Звуки исчезли полностью. Я перестал слышать гул ламп, шорох одежды, чьи-то шаги. В голове стало пусто и светло.

— Следующий, — прокричала вторая медсестра.

Я хотел было что-то сказать, но не смог. Ком в горле не позволял мне проронить ни слова. Поднявшись, я ощущал, что моё лицо горит от боли, страха, недоумения. Мышцы сводило от желания закричать, но в шаге от порога я взглянул на зеркало на стене и обомлел.

На моем лице рисовалась широкая и абсолютно счастливая улыбка. Я пытался нахмуриться, стиснуть зубы — но губы растягивались обратно. Будто я испытал невероятное удовольствие от этой процедуры. Я не мог управлять своим лицом. Я чувствовал, как мышцы щек напрягаются до предела, но не мог их расслабить.

В коридоре я подошёл к своему другу Диме. У него на лице красовалась та же улыбка. Мы дружили с первого класса. Всегда вместе, он был единственный, кому я мог доверять и с кем я мог не чувствовать себя лишним. Я до дрожи боялся его потерять. Но сейчас я смотрел на него и не узнавал.

— Илья, ты чувствуешь это? — спросил он.— Какая тишина в голове.

— Чувствую, — выдавил я.

— Как же круто. Я стал по-другому видеть мир, все такое красивое.

Я смотрел в его глаза, они сияли. В них не было ни привычной усталости, ни злости, ни той лёгкой грусти. В них было просто пусто и светло. И от этого света мне становилось не по себе.

— Мне кажется, что...

Дзынь.

Звонок ударил по ушам так внезапно, что я вздрогнул.

— О, пора на литературу, — весело сказал он. — Пойдём скорее, а то опоздаем.

Он развернулся и зашагал так быстро, что мне пришлось догонять.

Странно. Обычно он никогда не спешил, а литературу и вовсе ненавидел и считал самым бесполезным уроком. А тут рванул, будто там бесплатные пирожные раздавали.Я пошёл за ним в сторону лестницы в 313 кабинет.

По пути я ощущал, будто и вправду всё вокруг немного изменилось. Слишком ровные шаги у проходящих мимо учеников. Слишком одинаковые улыбки. Слишком идеальная тишина в коридорах.

Я зашёл в класс, сел на своё место и пытался не задохнуться от всего происходящего. В классе стояла идеальная тишина. Никто не шуршал тетрадями, никто не шептался. Все были спокойны и все смотрели на доску.

Я опустил глаза и увидел. Мои руки лежали ровно, аккуратно, одна поверх другой. Я не помнил, как я их так сложил. И не помнил, когда в последний раз так ровно сидел.

В класс вошла Анна Петровна.

Глава 2 "Урок послушания"

— Здравствуйте, ребята. Откройте тетрадочки, запишите число. Тема сегодняшнего урока: «Внутренний мир героя в романе Преступление и наказание.

— Что с ней? — вырвалось у меня. Дима не ответил.

Впервые видел такую улыбку на её лице. Впервые слышал, как она начала урок не с привычного прикрикивания «Встали, телефоны убрали», а с тихой фразы «Здравствуйте, ребята». От этого стало не по себе еще больше.

Взгляд скользнул по классу. Все сидели ровно. Никто не шуршал тетрадями, никто не шептался. Двадцать пять человек смотрели на доску, а их ручки синхронно выводили буквы.

— Илюша, почему ты не пишешь и вертишься? Я делаю тебе замечание. Сядь прямо и записывай.

«Не верю, это не она, её заменили», — стучало в висках. Откуда в ней взялась эта доброта?

Решив не выделяться, пока во всем не разберусь, подчинился. Молча досиживал последние минуты урока. Взгляд то и дело возвращался к ее лицу. К этой широкой, неестественной улыбке. Желудок сжимался, подкатывала тошнота.

На перемене я подошёл к Диме.

— Слушай, что-то день какой-то непонятный. Погнали домой, в компы поиграем.

— Не, — Дима улыбнулся. — У нас ещё три урока. Прогуливать не собираюсь. Это неуважение к учителю. Так нельзя.

Уже начинал сомневаться, прикол ли это. Может, сон? Или надышался клея на трудах? Но нет, всё было взаправду.

— Дима, да что с тобой? Когда три урока останавливали тебя от того, чтобы проиграть в компы?

Дима хотел что-то ответить, но запнулся. В его глазах пробежало что-то живое. Воспоминания что ли. Будто на секунду он очнулся. Через секунду раздался сухой ответ:

— Если ты такой безответственный, что уроки для тебя пустяк, то ступай отсюда.

Мурашки накрыли всё тело. Думать больше не получалось. Я просто пошёл на улицу один, предварительно уловив на себе несколько косых взглядов от охранника.

Выходя за калитку школы, ноги подкосились**.**Как током дёрнуло. Что-то щёлкнуло в голове. Перед глазами всё расплывалось. Внутри черепа зашумело: «Три урока, учиться, вернись. ВЕРНИСЬ».

Затылок сдавило ледяным обручем**.**Ноги стали ватными. Рука вцепилась в металлический забор, пальцы царапали ржавчину. Тело горело, будто изнутри прорывалась раскаленная проволока. Хотелось кричать, но рот не открывался.

Я осел на колени. Ноги скребли асфальт. В голове стучало только одно слово: «ВЕРНИСЬ». И тогда, превозмогая боль, рванулся обратно, как зверь в капкан. Пальцы вцепились в забор, подтягивая тело. Железо скрипело.

И в ту же секунду гул утих.

Тишина накрыла разум. Такая, что зазвенело в ушах. От облегчения на лице почувствовалась улыбка. Настоящая. Поднялся, отряхнул штаны и зашел обратно в школу. Охранник взглянул и ухмыльнулся.

«Похоже, только охранник и способен выражать реальные эмоции», — подумалось мне.

Проходя по коридору, взгляд снова упал на зеркало. Я не улыбался. Эффект широкой улыбки прошёл.

— Пойду к Диме, скажу, что вернулся.

Я хотел уже идти к Диме, но краем глаза заметил движение в конце коридора.

Возле кабинета директора стоял парень из параллельного класса. Кажется, его звали Слава. Он был бледный, с растрепанными волосами, и на его лице не было улыбки. Он пятился назад, прижимая к груди рюкзак, а навстречу ему шли двое охранников.

— Я не хочу! — выкрикнул Слава. — Я не буду это пить! Отпустите меня!

Охранники не сказали ни слова. Они просто схватили его под руки. Слава дергался, пытался вырваться, но они потащили его в сторону лестницы.

Я прижался к стене, стараясь не привлекать внимания.

— Помогите! — закричал Слава, оборачиваясь. Его взгляд на секунду встретился с моим. В его глазах был такой ужас, что у меня перехватило дыхание.

Но никто из проходящих мимо учеников не обернулся. Никто не остановился. Они просто шли дальше, смотря в свои телефоны или в пол, с теми самыми улыбками на лицах.

Охранники затащили Славу в кабинет 12 и закрыли дверь.

В коридоре снова стало тихо.

Я стоял, не в силах пошевелиться. Вот что бывает с теми, кто не подчиняется. Вот куда уводят тех, кто не улыбается.

Продолжив идти вперёд по коридору, я ловил на себе взгляды детей и учителей. Натянул на лицо улыбку, и они отвернулись.

— Какой же сейчас урок? Эй, Маш!

На меня оглянулась одноклассница. На ней была выглаженная форма и та же лучезарная улыбка, как и у всех. Она подошла ко мне.

— Чего тебе, Илья?

— Какой сейчас урок? Забыл.

Улыбка на её лице стала еще шире.

— Илья, ну как ты мог забыть? — пропела она с приторной заботой. — Это же так безответственно.

Она хотела сказать это с презрением. Зрачки сузились от раздражения. Но рот продолжал улыбаться. Её лицо будто жило отдельной жизнью от эмоций.

— Физика. 301 кабинет, — сказала она мягко. — Торопись, а то пропустишь что-то важное.

Взгляд упал на её руки. Она так сильно вцепилась ногтями в свой блокнот, что на обложке остались глубокие вмятины. Будто изо всех сил сдерживалась, чтобы не ударить меня этим блокнотом.

Зайдя в класс и увидев Диму, промелькнуло сомнение, он ли это вообще. На его столе лежал открытый учебник, тетрадь с домашним заданием и пенал, где каждая ручка лежала на своем месте. Увидев меня, он кинул одобрительную ухмылку, и я подсел за парту.

— Вернулся всё-таки?

— Да. А ты, я смотрю, и домашку сделал, и учебник принёс. Не похоже на тебя.

Дима промолчал. Он просто смотрел в учебник, и глаза бегали по строчкам с пугающей скоростью.

Урок начался. Все мысли были лишь об одном: что за хрень тут творится? Почему все улыбаются? Почему разговаривают не как всегда? Что случилось с Димой?

Три урока тянулись бесконечно. Я сидел, сжимая ручку, и чувствовал, как от напряжения дергается глаз. Взгляд скользил по классу, по учителям, по Диме. И приходило понимание: здесь единственный, кто еще жив. Остальные — просто хорошо отрепетированные актеры.

Домой шёл уставший, как никогда.

Глава 3 «Запись»

Наконец зайдя в лифт и убедившись, что ничего странного больше не случиться, я выдохнул и нажал на кнопку 3 этажа. В лифте стоял едкий запах смеси табака, духов и чего-то гнилого. Я спрятал нос под куртку и немного мог дышать. Выйдя из лифта, по пути к двери, я встретил соседа. Он был одет в домашнюю майку, поверх была надета куртка с прожжённым рукавом и домашних тапочках. В руках виднелся небольшой серый пакет.

— Здрасте дядь Миш.
— Здорова, Илья. — ответил он с улыбкой.- Со школы идёшь?
— Ага
— Как там у тебя дела?

Я задумался. Стоит ли рассказывать ему обо всём, что сегодня случилось. Или ответь банальным «Да всё хорошо».

— Чего молчишь? Двоек небось нахватался? Мамка опять ругать будет.
— Да не, всё нормально дядь Миш. А вы куда так легко оделись? Холодно ведь, простудиться не боитесь?
— Да я мусор выбросить. Туда и обратно. Мусоропровод же опять не работает. Вот ты прикинь, деньги то мы платит, а когда работать будет? А чёрт его знает.
— Точно,- поддакивал я, хотя закончить разговор и вновь обдумать сегодняшний день.
— Ну всё давай, нехварай.

Сосед отправился к лестнице, а я уже просовывал ключ в дверной замок. Зайдя, первым делом посмотрел на обувь. Маминых сапогов небыло, значит до вечера я в квартире один. Скинув рюкзак, я сразу направился в свою комнату. Открыв дверь, мне в лицо пахнул свежий воздух из приоткрытой форточки. Мне всегда нравилось, когда в комнате свежо. Так всегда лучше думается.

Сев за стул и открыв тумбочку, я достал свой дневник, в который я записываю важные дни или просто расписываю свои дни. Важные дни я всегда выделял фиолетовым маркером. Сегодняшний как раз из таких. Я начал записывать.

Запись (14.12.**).
В школе твориться чертовщина. Укол от гриппа. В шею. И после этого они все посходили с ума. Они все улыбаются. Даже Анна Петровна. Она меня Илюшей назвала. А Дима сказал, что для него пропустить последние 3 урока — это неуважение к учителю. Они слишком правильные. И я, видимо тоже таким становлюсь. Когда я пытался сбежать, я чуть сознание не потерял от шума в голове. Надо срочно с этим разобраться.

Закончив запись, я решил сходить поесть.

— На голодный желудок думать нельзя, — с насмешкой сказал я, чтобы хоть немного разбавить атмосферу.

Голова болела и нужно было отвлечься. Я включил маленький телевизор, висящий на стене. По телеку шёл незнакомый фильм. Я решил посмотреть, параллельно разогревая еду, которую мама оставила мне перед уходом. Помыв руки и сев за стол, я начинал вникать в сюжет. Фильм похоже был американский.

На экране парень по имени Алекс сидел в идеально белой комнате. Врач в халате с широкой улыбкой объяснял ему, что он попал в аварию и проходит реабилитацию. Я откусил кусок котлеты и усмехнулся. Слишком стерильно.

Алекс нашёл под подушкой тонкую записную книжку. Свой подчерк. Там было написано: «Они говорят, что я болен. Но это они — куклы. Не пей воду из кулера. В ней специальное вещество.

Я перестал жевать.

Дверь в фильме открылась. Вошёл врач. Он улыбнулся, но пустыми глазами. Забрал книжку и сказал: «Забывать — это нормально».

— Да что здесь происходит — сказал я с набитым ртом.

И вдруг я увидел лицо Алекса. Ужас в его глазах исчезал. Он расслабился, губы сами растянулись в улыбке. Он улыбнулся врачу. Улыбнулся такЮ будто ему стало невероятно хорошо.

Камера опустилась вниз. Книжка лежала в мусорном ведре.

Я нажал на кнопку и выключил телевизор. В комнате стало тихо. В висках загудело.

— Какой-то бред по телевизору показывают.

Фильм крутился у меня в голове. Этот парень всё знал, но забыл. Я вспомнил про тумбочку с дневником. Если они доберутся до меня… если они заставят меня улыбаться… если сотрут мне память. Я не вспомню, что писал, что хотел кричать.

Я поднялся из-за стола. Нужно было срочно придумать план. Аппетит пропал. Я оставил остатки котлеты в тарелке и ушёл в свою комнату. Я стал думать.

Надеяться на дневник глупо. Его найдут, а я забуду. Нужно напоминалку, которую не смогут отобрать.

Написать на руке? Нет, ручка смоется. На ноге? Нет увидят на физкультуре.

Я уставился на свои руки. Кожа, вены, костяшки. Это все можно содрать, отмыть, заклеить. Любая надпись — это просто чернила на поверхности.

— А что, если оставить след глубже? — спросил я сам у себя, глядя в зеркало, стоящее на столе. В отражении на меня смотрел бледный парень с бегающими глазами.

Я залез в коробочку с канцелярией, стоящую на полке. Пальцы дрожали, когда я перебирал ручки и линейки. Наконец,на самом дне, я нащупал холодный металл. Мой старый канцелярский нож. Однажды я порезался об него и больше не доставал.

Я взял этот нож в руку. Лезвие легко бы прошло через мою кожу.

А если мама увидит мой шрам? Что я ей скажу? Она, вероятно, подумает, что я сошёл ума, и вероятно повезёт меня в больницу. А там… Я боялся представить, что со мной могли бы там сделать.

Я смотрел то на зеркало, то на свою руку. Шрам — это ведь невыносимо больно. Я не представлял, как я мог прорезать сам себе руку. Ещё и глубоко. Но разве мне не было больно, когда я смотрел на улыбающегося Диму, и понимал, что его прежнего больше нет? Разве страх лезвия сравниться со страхом, что я тоже стану таким?

Лезвие блеснуло в моей руке. Теперь оно не казалось столь пугающим. Я поднёс его к руке.

Глава 4 "Новенькая"

Я проснулся незадолго до начала урока. Взглянув на свою перебинтованную руку в районе предплечья, я вспомнил вчерашний день и точно никогда его не забуду. Состояние моё было хуже обычного. Нужно было проверить, остался ли шрам или нет. Я аккуратно развязал бинт. Крови уже не было, она вся осталась на бинте. На руке красовался еще не до конца заживший шрам в виде буквы Ж. Эта буква означала - «жизнь». Теперь я точно не забуду.

На часах было семь двадцать утра. Я прислушался. В квартире было тихо. Только холодильник гудел на кухне. Отлично. Мама ушла на работу.

Мне повезло, что вчерв она вернулась поздно, и мне не пришлось скрывать перебинтованную руку. И у меня явно бы это не получилось. Руку до сих пор жгло адским пламенем. Из-за боли я не мог долго уснуть, и поспать удалось, только часа три.

- Нужно взбодриться, - пробормотал я под нос.

Я боялся идти в школу в таком состоянии. Может прогулять? Хотя не, сейчас нельзя терять время. Нужно как-то спрятать руку. Может надеть кофту сверху?

Только сейчас я заметил, что уже вторую минуту разговариваю с зеркалом.

Меня это немного смутило. Я что, с ума схожу? Да не, просто не выспался.

Сегодня было бы неплохо прийти немного заранее. Проверить обстановку. Я быстро умылся, накинул на себя всё, что висело на спинке стула и взял уже заранее собранный портфель.

Завтракать я не любил, это экономило мне лишние пятнадцать минут каждый день. Я захлопнул дверь и рывком побежал по лестнице к школе. Идти мне где-то минут пять, поэтому я не спешил.

Выйдя во двор, мне в лицо взрезался свежий запах мороза, перемешанный с запахом едкого табака. Раньше тут было шумно: кто-то выгуливал собак. Кто-то жаловался на шум машин. Теперь было тихо. На лавочке возле двери, курили два мужика. Один из них пристально смотрел на меня.

«Чё он пялиться на меня?» - подумал я, не отводя от него взгляд около двух секунд. Пройдя мимо них, я сунул руки в карманы и ускорил шаг, чувствуя спиной его взгляд.

Отойдя и вдохнув свежего воздуха. Я огляделся: всё вокруг блестело, тропинки осыпало недавно выпавшем снегом. Также появился новый дворник, явно не довольный тем, что придётся это всё убирать.

Дойдя до калитки школы, я немного замедлился и вспомнил, как вчера я ползал на коленях возле этого входа. Будто в тот момент, меня пустили ток по телу. В надежде, что это не повториться, я медленно занёс ногу за калитку, затем ещё половину тела. Не ощутив ничего

необычного и войдя полностью, мой взгляд упал на детей, идущих к дверям школы. На них были те же криповые улыбки, какие были и вчера.

- Значит, мне это не привиделось, - пробормотал я. - Соберись!

Я зашагал к дверям школы, натянув улыбку. Если я буду выделяться, это может вызвать подозрение.

Войдя, я увидел пустой коридор. Раньше здесь всегда бегали начальные классы, а теперь тут находился только охранник. Я решил взглянуть на его, как мне казалось, единственное лицо, без натянутой улыбки. Но на посту не было старого охранника. Там сидел новый, молодой, с той же улыбкой.

Похоже, я единственный, кто не потерял своё настоящее лицо. Вздохнув и поздоровавшись с ним, я отправился на урок математики. Я старался не смотреть ни на кого, их улыбки меня всё ещё немного пугали и раздражали. Зайдя в класс, на меня сразу упал приветливый взгляд Димы. Он улыбался мне, на это было больно смотреть. Я решил не садиться с ним рядом. Я сел за одиночную парту. Тут спокойнее.

Урок начисля. Валентина Сергеевна рассказывала какую-то тему. Я не слушал, я улыбался и наблюдал.

Дверь в кабинет неожиданно отворилась. На пороге появилась девочка, явно из другой школы. Она улыбалась, но не так, как другие.

На ней была наша школьная форма, но сидела она криво: пиджак висел свободно, светлые волосы были уложены в небрежный пучок. Было видно, что она пыталась выглядеть ухожено и ровно, но у неё не вышло.

Валентина Сергеевна улыбнулась ей той самой широкой, стерильной улыбкой.

- У нас новенькая,- пропела она. - Представься.

Девочка посмотрела на класс. Двадцать пять человек сидели с приклеенными улыбками и пристально смотрели ей в глаза. Должно быть, она испугалась. Она в секунду замялась, в её глазах виднелось волнение, но она быстро взяла себя в руки.

- Мира, - сказала она тихо. - Я перевелась из двадцать первой школы.
- Садись на свободное место, - Валентина Сергеевна кинула взгляд на мою парту.

Мира начала подходить к моей парте, но увидя мою явно натянутую и слишком широкую улыбку, прошла мимо, сев на парту позади меня. От неё пахло приятным цитрусовым ароматом. Она положила рюкзак и стала оглядывать класс.

И вдруг я услышал тихий стук.

Ручка Миры покатилась по полу и остановилась прямо у моих ног.

Я замер. Если наклонюсь, то привлеку внимание. Если останусь сидеть, будет выглядеть странно. Я медленно наклонился и в этот момент почувствовал, как она наклоняется следом.

Наши головы почти соприкоснулись.

- Перестань так сильно улыбаться, - голос был холодный. - Ты выглядишь как сумасшедший. На тебя все смотрят.

Она выхватила у меня ручку, выпрямилась и снова уставилась на доску с той самой идеальной улыбкой. Я остался сидеть на полу с открытым от шока ртом.

Она что, тоже притворяется? Или она просто сумасшедшая? Или видит тоже, что и я?

Я переживал так сильно, что незаметно для себя, начал тереть рукав своей серой кофты.

- Илья. Покажи пример этой задачки на доске, - пропела Валентина Сергеевна.

Я вышел к доске и начал писать всё, что знал с прошлых занятий. Не заметив, как по моей руке начало что-то стекать.

- Илья, у тебя кровь. - пропела учительница. - Пошли я отведу тебя в медпункт.

Она говорила всё тем же спокойным голосом. Будто подобное она видет ежедневно.

Я испуганно перевёл взгляд на свою кофту. Вся рука покрылась красным пятном, который был отчётливо виден.

Учительница взяла меня за плечо и быстро повела меня в медпункт.

Глава 5 "Хороший мальчик"

Кровь стекала по руке и капала на линолеум. Пятна расползались, похожие на чёрные кляксы. Я знал, что будет дальше. Осталось придумать оправдание для

шрама. У меня было секунд сорок, пока за мной шли.

Дверь медпункта открылась. Меня втолкнули внутрь и усадили на кушетку. Кушетка обожгла холодом через одежду. Клеёнка была ледяной. В кабинете резко пахло спиртом. Учительница сразу ушла, бросив напоследок что-то про урок, а ко мне подошла медсестра. С той самой приторной улыбкой.

— Что случилось? — спросила она.

— Я...

Слова застряли в горле. Я не успел ничего придумать. Она не стала ждать — сама задрала рукав моей кофты. Её взгляд упал на шрам «Ж», из которого хлестала кровь.

— Кто это тебя так?

— Да так. Никто.

— Говори. Не бойся. — Она смочила ватку спиртом и прижала к ране. Я зашипел от боли.

— Это у меня с детства.

Сердце на секунду остановилось. Какую же чушь сморозил. Рана была свежей, она видела это. Но медсестра не стала давить. Просто кивнула и улыбнулась ещё шире. Слишком широко.

— Всё, обработала. Держи ватку пять минут.

« Правда поверила?» — пронеслось в голове. Я смотрел на неё, не отрываясь. Либо она поняла, что правды не добьется, либо ей вообще плевать на мою правду.

Медсестра отошла к шкафу. Достала колбу с мутной белой жидкостью и шприц.

— Убирай ватку. Сделаем маленький укольчик. Для профилактики.

Я дернулся. Но она двигалась быстрее. Игла вошла в шею резко, без предупреждения. Я даже вскрикнуть не успел.

Мир вокруг наклонился. Мышцы свело судорогой, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В голове заорали сотни голосов, они слились в один сплошной гул. Рот не открывался, челюсть не слушалась.

Сквозь шум слышал, как медсестра наклонилась к моему уху.

— Не переживай. Скоро ты забудешь всё. А когда вспом...

Темнота.

Свет. Птички за окном. Запах ванили. Я лежал на кушетке, уставившись в белый

потолок. На подоконнике цвели какие-то мелкие цветочки.

— О, проснулся, — пропела медсестра.

— А что я тут делаю? — голос был хриплым.

— Потерял сознание в коридоре. Голова не болит?

— Нет. Как будто хорошо выспался. А сколько времени?

— У тебя еще один урок. Иди, а то опоздаешь.

Встал. Тело было лёгким, будто ватным. Внутри разливалось странное, абсолютное счастье. Мне хотелось улыбаться. Просто улыбаться и идти на урок, который уже давно идёт.

Я вышел из медпункта и побежал по коридору. Подбегая к кабинету, я схватился за ручку двери и заметил, как из-под манжеты торчит белый кусок бинта. Я не стал его трогать. Просто открыл дверь.

В классе никто не обернулся. Тихо прошёл к своей парте и сел, глядя на счастливые лица одноклассников. На душе было так легко, что я невольно улыбнулся им в ответ.

Урок математики тянулся медленно, но это совершенно не напрягало. Наоборот, было приятно сидеть и слушать ровный, мелодичный голос Валентины Сергеевны. Уравнения на

доске казались красивыми и логичными. Улыбка не сходила с лица. От неё я немного утомлялся, но перестать улыбаться не мог, ведь я счастлив.

Одноклассники вокруг тоже улыбались, и от этого на душе становилось ещё теплее. Мы все здесь были одной большой, дружной семьёй.

— Илья, выйди к доске, — сказала Валентина Сергеевна.

Я с готовностью поднялся. Взял мел и решил пример. Учительница похвалила меня, и внутри разлилось тепло. Её голос звучал так правильно.

На перемене я подошел к Диме.

— Слышь, — я толкнул его в плечо. — У нас завтра контрольная. Пойдем в библиотеку после уроков, подготовимся?

Дима посмотрел на меня. Улыбка на его лице не дрогнула, но в глазах промелькнуло что-то странное, будто он смотрел не на меня, а сквозь.

— Конечно, Илья, — ответил он. — Это же так важно. Надо быть ответственным.

— Ага, — я кивнул, чувствуя, как улыбка становится ещё шире. — Это так важно.

Слова вылетали сами собой. Я не помнил, что ещё можно было сказать. Мне просто нравилось говорить правильные вещи.

После уроков мы с Димой вышли из школы.

— Слушай, сегодня такой хороший день, — сказал он, щурясь на солнце. — Даже дышится легко.— Ага, — согласился я. — Просто идеальный.

Дойдя до калитки, у меня почему-то дёрнулся глаз. Будто я что-то вспомнил, и сразу забыл. Ну если я забыл, значит это что-то неважное.

Мы дошли до моего подъезда. Дима помахал рукой и убежал. Я поднялся на свой этаж. В квартире было тихо. Мама еще не пришла с работы. На кухне стоял запах вчерашних котлет.

Скинув рюкзак, я прошёл в свою комнату. В зеркале на столе отразился парень с широко распахнутыми глазами и приклеенной улыбкой. Я подмигнул своему отражению. Какой же я счастливый.

На на краю стола я заметил канцелярский нож. Его кончик был окровавлен. В голове кольнуло. Порезался наверно когда резал картон.

Решив переодеться, я стянул с себя школьную кофту. И в этот момент что-то белое мелькнуло в отражении зеркала.

Я замер. На моем предплечье был намотан кусок марлевого бинта. Он был грязным, в засохших бурых пятнах.

— Странно. Зачем мне бинт?

Я подошёл к зеркалу. В голове не было ни одной мысли о том, откуда это взялось. Может, порезался на труде? Но уроков труда сегодня не было. Может, вчера?

Пальцы коснулись края бинта. Я начал медленно его разматывать. Марля прилипла к коже, и я почувствовал лёгкую боль.

Бинт упал на пол. На запястье, прямо поверх вен, красовался уродливый, свежий шрам. Он был неровным, с коркой засохшей крови. Он складывался в букву.

«Ж».

И в ту же секунду, будто кто-то выбил стекло, искусственная лёгкость с хрустом рассыпалась.

Боль. Шипение. Глаза покраснели.

Укол в шею. Мутная белая жидкость. Сотни голосов в голове. Медсестра. Улыбается.Кровь. Стекает на пол. Голова Димы. Не помнит кто я.

Все воспоминания обрушились разом. Счастье, которое я чувствовал последние несколько часов, оказалось фальшивкой. Меня накачали этой дрянью. Меня заставили улыбаться. Я чуть не забыл всё.

Ноги подкосились. Я осел на пол, прижавшись спиной к кровати. Горло сдавило спазмом. Крик, который я не смог издать в медпункте, наконец вырвался наружу — хриплый, злой, полный отчаяния. Из глаз брызнули слезы. Я сжимал руку, впиваясь пальцами в шрам, и рыдал, размазывая сопли по лицу.

Я ненавидел эту улыбку. Ненавидел их всех. И больше всего я боялся, что в следующий раз этот укол сработает.

Я плакал ещё около полутора минут. Затем вытерев слезы, посмотрел в зеркало на себя. В зеркале был кто-то другой. Я не узнавал себя в отражении.

— Ты не забудешь. Даже ценой жизни.

От бессилия, я снова рухнул на пол и пытался отдышаться.

Силы начинали покидать моё сознание. Я встал и не мог осознать ни одного своего движения. Я пытался нащупать стул, чтобы голова перестала кружиться и сознание не мутнело. Я схватился за пустоту и рухнул на пол.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.